

Даля Трускиновская

У Пресноводья дуб

зеленый...

Домовые

Даля Трускиновская

У Пресноводья дуб зеленый...

«Автор»

2002

Трускиновская Д. М.

У Пресноводья дуб зеленый... / Д. М. Трускиновская — «Автор»,
2002 — (Домовые)

«– Значит, бабушка, вот твое место, – сказал Портновский Вере Федоровне. – Ключ будешь брать на вахте, там у нас студент сидит, и ему же отдавать, он по суткам работает. А ты будешь сидеть тут, вязать, книжки читать, телек смотреть. Хоть песни пой – только не спи. Спать – нельзя, буду звонить ночью, проверять.– То есть, я убираю раздевалки, туалеты, мою пол в коридоре, а потом сажусь сюда? – уточнила Вера Федоровна.– Именно так. По времени у тебя получается вот что...»

© Трускиновская Д. М., 2002

© Автор, 2002

Содержание

Глава первая	5
Глава вторая	13
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Далия Трускиновская

У Пресноводья дуб зеленый...

Глава первая

Тайный и чрезвычайный спływ

– Значит, бабушка, вот твое место, – сказал Портновский Вере Федоровне. – Ключ будешь брать на вахте, там у нас студент сидит, и ему же отдавать, он по суткам работает. А ты будешь сидеть тут, вязать, книжки читать, телек смотреть. Хоть песни пой – только не спи. Спать – нельзя, буду звонить ночью, проверять.

– То есть, я убираю раздевалки, туалеты, мою пол в коридоре, а потом сажусь сюда? – уточнила Вера Федоровна.

– Именно так. По времени у тебя получается вот что: заступаешь в девять вечера, убираешь большую женскую раздевалку и женские душевые, потом большую мужскую и душевые. Пока разгробишься – вот тебе и десять, бассейн закрывается. То есть, официально закрывается, но там еще две фирмы дорожки арендуют до одиннадцати. Приедет кто –пустишь в малые раздевалки, нет – и слава Богу. Убираешь малые раздевалки, туалеты, протираешь коридор – и свободна. Читай, письма пиши, песни пой, пасьянсы раскладывай, на жениха гадай...

– Какие женихи! – Вера Федоровна даже руками замахала, но вдруг замерла, вспоминая, и, к превеликому удивлению Портновского, запела тоненьким девчачьим голоском, вздергивая плечико и играя глазками:

Две старухи без зубов
Ой, толковали ды про любовь!
Ой, мы с тобою ды влюблены,
Ой, ты в картошку, ды я в блины!

Портновский вежливо посмеялся – очень уж Вера Федоровна хотела ему понравиться, угодить бойкостью, чтобы наверняка взял ее на работу. А работа была не самая лучшая для семидесятилетней бабушки – дежурства через ночь, с уборкой и обходами здания.

Однако если у бабушки нет иного выхода...

Она уж и счастлива была беспредельно, что никто ее не будет оформлять официально и не потребует проклятую «аплиецибу».

В маленькой стране, куда Веру Федоровну угораздило переселиться из Пскова вместе с молодым мужем-офицером, после обретения свободы и независимости начались приключения с языком. Местные патриоты хотели вообще истребить русский из всех сфер жизни, но сразу не получилось – русского населения в государстве, свободном от энергоносителей и независимом от здравого смысла, оказалось больше половины. Тогда объявили местный язык государственным и потребовали, чтобы все сдавали экзамены. Тому, кто доказал владение языком на одном из трех уровней, выдавали удостоверение – «аплиецибу». Без этой филькиной грамоты просто не брали на работу.

Естественно, нашлись среди чиновников добрые души и стали этими корочками торговать. Вера Федоровна купила «аплиецибу» сыну, а для себя денег пожалела. Когда сын остался без работы и они должны были выкручиваться вдвоем на ее пенсию, тем более стало не до покупок. Пенсии аккурат хватало, чтобы заплатить за квартиру зимой. А ведь нужно еще что-то кушать. И вот Вера Федоровна по какому-то хитросплетенному знакомству попала в спор-

тивный комплекс, а именно – в бассейн. Ее согласились туда взять без всяких бумажек – а только после каждого дежурства выдавать плату, достаточную для того, чтобы им с сыном кое-как два дня прокормиться. Но и это уже был праздник – Вера Федоровна задолжала чуть ли не всем соседям. И она уже прикидывала, по сколько нужно откладывать с каждого дежурства, чтобы отдать самые неотложные долги.

Заместитель директора комплекса по хозяйственной части Толя Портновский знал про этот оптимизм и всяко его поддерживал. Эта новая бабушка еще не пронюхала, что до нее тут сменилось не меньше двух десятков старушек, тоже без «аплиециб», и эти старушки получали плату только первые недели полторы, потом же Покровский начинал ссылаться на объективные трудности, показывал книжечку, где исправно отмечались все выходы на работу, обещал деньги на следующей неделе, месяц спустя скрывался, и когда сотрудники доносили, что очередная бабушка, плюнув, покинула рабочее место навсегда, он уже имел на примете следующую жертву. Таким образом и помещения при бассейне были чисты, и обходилось это недорого, куда дешевле, чем если бы официально оформлять человека с «аплиецибой» и платить за него все налоги.

Но Вера Федоровна всего этого пока не знала.

Портновский вместе с ней прошел маршрут обхода, показал, на что обращать внимание, выдал ключ от подсобки и уехал, а она осталась.

Этот первый после долгого перерыва рабочий день – а точнее, рабочую ночь, – Вера Федоровна, можно сказать, отпраздновала. Она взяла с собой старый китайский термос с кофе (отходы из больших кофеварок оставляла ей крестница Наташа, служившая в кафешке, получался неплохой вторяк), бутерброды с маргарином и пакетик с чесночной солью (подарок дворничихи, за которую она иногда мыла подъезд).

До девяти вечера еще было время, Вера Федоровна почитала газетку «Эра Водолея» (очень любила все таинственное, особенно про покойников и привидения), перекусила, посмотрела телевизор и взялась за работу.

В большой женской раздевалке толстые тетки, сидя голышом, азартно перемывали кости ближним и дальним.

– Время, время, – строго сказала им Вера Федоровна и добавила с гордостью: – Мне тут убираться!

Ей очень хотелось ощутить себя молодой, здоровой, в меру нахальной – как положено женщине, которая РАБОТАЕТ. а не ДОМА СИДИТ. Но толстые тетки не обратили внимания на уборщицу. Тогда Вера Федоровна пошла в душевую, примыкавшую к раздевалке. Из душевой маленьким коридорчиком можно было выйти прямо к бассейну.

Она ни разу в жизни не была в бассейне и даже не представляла, как он выглядит. Особенно ее удивил высоченный потолок. Неестественная голубизна воды и запах хлорки ей понравились: где хлорка, там чистота и порядок. Еще бы следовало, наверно, выключить свет, ведь на дорожках не осталось ни единой души, но насчет света Портновский указаний не давал. Наверно, этим занимался какой-то другой человек. Может, даже тот, кто прибирался в бассейне.

Тут Вера Федоровна задумалась – приборки там ведь было очень мало, только протереть плиточный пол и, может быть, еще поручни. Если для этого держат особого человека, так ведь она за крошечную доплату и бассейн бы могла обиходить, а того человека специально для бассейна держать не надо. Выстраивая в уме будущий разговор с Портновским, она развернулась, чтобы идти мыть душевую, и тут у нее за спиной громко плюхнуло.

Вера Федоровна резко повернулась. Странное дело – плавающие шары, нанизанные на веревки, что разграничивали дорожки, колыхались.

– Ахти мне... – растерянно произнесла она. – Не с потолка ли что свалилось? У них валится, а я виновата буду...

Несколько расстроившись из-за будущих неприятностей, она двинулась было к душевым, но в бассейне забурульчало, как если бы кто-то, сидя на дне, выпустил гирлянду пузырей.

– Да ну вас! – сердито сказала Вера Федоровна. – Делать людям нечего, по бассейнам ходят...

Она имела в виду, конечно же, не посетителей, а тех, кто построил это бесполезное, на ее взгляд, сооружение. Но посетителей она не одобряла в первую очередь – они мешали убираться, вот с них и начала.

Проверив все краны и закрутив их потуже, подобрав с пола раскисший кусок мыла и отковыряв от стены присохшую жвачку, Вера Федоровна ощутила себя хозяйкой, а это очень важно, когда прибираешься в новом месте.

– Где тут моя тряпка? – сама себя спросила она, хотя тряпка была не собственная, а здешняя. – Где тут мой мусорник?

После вынужденного безделья она снова строила вокруг себя прекрасный мир РАБОТАЮЩЕЙ женщины и радовалась своей власти над четырьмя раздевалками, душевыми, туалетами, коридором и крошечной подсобкой.

Толстые тетки ушли, оставив бардак – рваный пакет с картинкой, мятую газету, белые стаканчики из-под йогуртов. Вера Федоровна старательно прочитала написанное немецкими буквами название и покивала головой – сейчас она была уже почти на равных с этими РАБОТАЮЩИМИ тетками и уже завтра могла бы тоже позволить себе купить стаканчик йогурта – кстати, впервые в жизни...

Вымыв полы и протерев мокрой тряпкой все, до чего дотянулась, она пошла, как было велено, в большую мужскую раздевалку и хозяйничала примерно до половины двенадцатого. Туалеты она оставила напоследок – и похвалила себя, что догадалась взять у соседки Ирмы одноразовые перчатки, в которых та позавчера красила волосы.

– Носом бы вас сюда, носом, – неодобрительно сказала она отсутствующим пакостникам, насвинячившим в туалете. И взялась за дело с радостным азартом.

Отшоркав унитазы, Вера Федоровна посмотрела на часы и составила план действий: прибраться в подсобке, вымыть руки, посмотреть последние новости, еще раз поужинать и сесть читать газету. Когда газета кончится, как раз настанет время первого обхода. А потом ведь есть другая газета, которую оставили толстые тетки. Правда, это «рекламка» – но ведь интересно же читать, какие квартиры продают, какие хотят купить, сколько в тех квартирах метров, есть ли удобства.

Она вышла в коридор и остолбенела. Откуда взялись продолговатые мокрые пятна? Она же тщательно протерла коридор выжатой почти досуха тряпкой! И откуда взялась банка на подоконнике? Или она и раньше тут стояла?

Зная скверную мужскую привычку из любой емкости немедленно делать пепельницу, Вера Федоровна поспешила к банке – выбросить окурки, а саму банку намыть до хрустального блеска.

Но вовсе не окурки обнаружила она на дне...

Из банки на Веру Федоровну смотрела большая, головастая, крепкого сложения, бурая лягушка. И это была отнюдь не резиновая игрушка – когда Вера Федоровна приблизила к банке лицо, тварь пошевелила передней лапой.

– Да что ж это такое? – не столько испугалась, сколько удивилась уборщица. Вот именно появление лягушки она могла объяснить без всякой мистики – днем тут плавали школьники, наверняка нашелся бездельник, решивший подпустить страшную лягушку в раздевалку или даже в душевую к одноклассникам. Должно быть, не вышло – а потом забегался, заплывался, про свою каверзу и думать забыл...

Вера Федоровна забрала банку к себе в подсобку – именно К СЕБЕ, потому что она уже передвинула там столик и переставила бутылки с хлоркой и прочими моющими средствами на

СВОЙ лад. Утром она собиралась выпустить лягушку – для чего пришлось бы одолеть порядочный кусок до озерца, но пока ей это соображение в голову не пришло. Развернув бутерброды, Вера Федоровна протянула было руку к телевизору – и тут по коридору кто-то быстро-быстро прошлепал. Прощлепал – и остановился, и со свистом выдохнул... А выдохнул-то совсем рядом, прямо за дверь!

Долгая жизнь научила Веру Федоровну, что двери запираются не только на замок, но еще и на табуретку, на лопату, на палку от швабры. Обезопасившись, она кинулась звонить единственному, кто мог сейчас прийти на помощь, – студенту. Тому, что на вахте и по суткам.

Этого студента Вера Федоровна заранее не полюбила, потому что он успел вперед нее прописаться в спорткомплексе и получить чистую работу. Сейчас этот здоровый балбес сидел сложа руки и еще деньги за это получал, а не корячился с тряпками и ведрами. А, может, и у него были свои обходы, может, и он еще какой-то приработок себе выговорил, подумала Вера Федоровна и ужаснулась: это ж, значит, его может не быть на вахте!

Территория спортивного комплекса, в который входил и бассейн, была солидная, вахта – далеко, а тот, кто прошлепал под дверь, затаился. Вера Федоровна отыскала на листке, приколотом над древним настенным телефоном, нужный внутренний номер и позвонила.

Студент где-то шастал.

За дверью чихнуло.

Вера Федоровна, перевирая давно забытую «Отче наш», еще раз набрала номер. Ей повезло – студент оказался поблизости.

– Ой, родненький! – закричала она. – Это я, уборщица с бассейна! Тут кто-то по коридору ходит!

– А-а, это дед! – лениво отвечал студент. – Он тут часто бродит.

– Какой еще тебе дед? – насторожилась Вера Федоровна.

– Работал тут один, перебрал, спьяну в бассейн свалился – и все, нету деда, – охотно объяснил студент. – А что, Портновский не предупреждал? Он безобидный, только с полуночи часов до двух шебуршится. Ходит, бродит, уровень воды замеряет. Это нормально.

– И лягушка, – подумав, сказала Вера Федоровна.

– Что – лягушка?

– Лягушку в банке кто-то подбросил.

Если студент рассчитывал напугать ее привидением, то не на ту напал. Она столько уже про всяких выходцев с того света начиталась, что обыкновенный утопленник ей был не в диковинку. Страшновато, конечно, однако, как выразился студент, нормально.

Тут в дверь поскреблись.

– Родненький, беги скорее, он сюда ломится! – завопила в трубку Вера Федоровна.

– Кто, на фиг, ломится?!

– Да дед же!

– Какой дед?!

Тут бы Вере Федоровне и прищучить студента на вранье, но было вовсе не до того. Из только что насухо протертого коридора просочилась в подсобку струйка и образовала у двери лужицу. Лужица понемножку ширилась и распространялась.

– Говорят же тебе – звони в полицию!

Студент отключился.

Тот, кто за дверью, поскребся еще раз.

– Сгинь, пропади! – велела ему Вера Федоровна. – Враг-сатана, отженись от меня.

– Крещеная душа, а, крещеная душа? – обратился тот, кто за дверью. – Баночку не уноси, на окошко выставь. Уходить буду – заберу. Машка хворенькая, ей пригляд нужен.

– А ты кто будешь? – испуганно спросила Вера Федоровна.

– А я – душа некрещеная. Так баночку-то выставь.

И зашлепало по коридору, и ушлепало прочь – в сторону бассейна...

– Ахти мне... – Вера Федоровна наконец-то осенилась крестным знамением. Дальше она некоторое время слушала тишину. Как раз сейчас следовало совершать обход, чтобы к полуночи вернуться в подсобку. Но ей было очень страшно.

В дверь дважды стукнули.

– Ты, что ли, некрещеная душа? – спросила Вера Федоровна.

– Ну, я, – уже другим голосом отозвался пришелец. – Открывайте двери, где тут у вас лягушка?

– Так сами же велели на окошко выставить...

– Бабушка, вы чем там занимаетесь? – весело спросил пришелец. – Пьете в одиночку, что ли? Тогда ясно, чего у вас лягушки по бассейну скачут.

Тут Вера Федоровна поняла, что это всего-навсего студент, и разобрала дверной замок, изготовленный при помощи швабры и табуретки.

– Ну, заходи, гляди, – велела она. – Это, по-твоему, кто?

Студент, долговязый бородатый оболтус, нагнулся над банкой и даже для надежности прищурился.

– Бабушка, она у вас резиновая. Шутница вы, бабушка.

Вера Федоровна свернула кусок газеты трубочкой и пощекотала лягушку. Та отодвинулась.

– Ни хрена себе... – тут до студента дошло, что в бассейне действительно творятся страшные вещи. – Бабушка, вы где ее взяли?

– А на подоконнике. И знаешь, что я тебе скажу! Не было ее на подоконнике! – провозгласила Вера Федоровна. Студент же, еще не наловчившийся ее понимать, растерялся.

Конечно же, уборщица имела в виду, что подоконник весь вечер был пуст, а банка возникла незадолго до полуночи. Но ей было не до того, чтобы еще и за словами следить.

– Так не вызывать же полицию из-за лягушки, – твердо решив самоустраниться, сказал студент.

– Так я же тебе говорю – тут кто-то бродит! Говорит – душа некрещеная! И лягушка эта – его! – Вера Федоровна вдруг раздухарилась. – Где моя щетка? Сейчас вместе пойдём и его выгоним!

– Кого – некрещеную душу?

– Это он ваньку валяет. Бомж у вас тут приبلудился! А он – обходы, обходы, и не вздремни, а у вас тут целый бомж в дырку пролезть может!

Студент начал понемногу приспособливаться – понял, что уборщица передразнила не бомжа, а Портновского. Но возражать не стал – действительно, если кто-то околачивается в здании бассейна, то его нужно поскорее выставить вон, а в одиночку это затруднительно.

Вера Федоровна со шваброй наперевес пошла первой, студент – за ней.

– Вот тут мокрыми сапожищами шлепал, – показала она. – Надо думать, в мужскую раздевалку поперся – там мягкий диванчик, а чего ему еще надо?

На диванчике никого не обнаружили.

– Загляни в душ, – велела она студенту. – У нас на районе один бомж завелся – так летом прямо на улице у крана голый моется. Чего мне на его хозяйство глядеть?

Студент зашел в душ – и вернулся нескоро.

– Слушайте, бабушка, тут ведь какая-то фирма чуть ли не ночью дорожки арендует. Может, это они приехали?

– Не приезжал никто... – Вера Федоровна с сомнением поглядела на студента. – Точно не приезжал! Я все раздевалки намыла!

– А кто же тогда в бассейне плещется?..

Студент поманил, Вера Федоровна вошла в душевую и оттуда услышала, что за стенкой творится что-то совсем непонятное.

– Я же сам свет вырубил... – пробормотал студент. – Что же это они – при свечах, что ли?

Они, не сговариваясь, шагнули к узкой двери, одновременно протиснулись и выглянули из-за угла.

Действительно, в огромном помещении было темно. И прав был студент – где-то в дальнем его конце горели свечи. Вдруг раздался бешеный плеск, будто стая щук молотила по воде сильными хвостами.

– Да начинаем уже, начинаем! – раздался скрипучий голос, и тут же мощный бас провозгласил:

– Первый тайный и чрезвычайный спływ!.. спływ... А... а... А-апчхи! Объявляю открытым!

Плеск повторился.

Вера Федоровна ахнула и стала оседать. Студент вовремя подхватил ее и оттащил в душевую. Там он плеснул ей в лицо холодной водички, и уборщица ожила.

– Родненький, сыночек, кто ж это там, в воде?

– А я откуда знаю?! – студент был перепуган не меньше Веры Федоровны, но еще и зол на себя за собственный испуг. – По-русски говорят... погоди...

Дверь из душевой в коридор, за поворотом которого был бассейн, осталась открытой, и теперь доносилась уже нерусская речь. Студент прислушался.

– Чтoб я сдох! Там делегации болотных чертей! Делегация с Тирельских болот... – он прислушался. – Делегация с Судского болота в составе двух че... чертей... С Каулэзерского болота в составе... не разобрал...

– Нас, товарищи, пишите отдельно! – на чистом русском языке произнес окающий басок. – Мы – водяные! Мы по речкам расставлены! Мы...

Дальше был хриплый кашель.

– То-то ты, Афонька, все на моем болоте толчешься! – с едва уловимым акцентом ответил приятный, хотя и прокуренный, баритон.

– Так местожительство же где? На болоте указано! А рабочее место – река, – отбилса окающий басок. – Вот и бабы подтвердят.

Несколько женских голосов загомонили совсем невразумительно.

– Переведи, родненький, – попросила Вера Федоровна.

– Они не бабы, они дамы, просят за оскорбление вывести из зала, из воды, то есть... Не, не выведут, мужики вступились. Тихо, бабушка... что-то у них там начинается...

Бас, открывший первый тайный и чрезвычайный спływ, потребовал внимания. И дальнейшая речь была внушительна, кабы не внезапный и яростный чих – даже исполнена пафоса.

– Нам с большим трудом удалось достать материалы о событиях в Антарктиде. К сожалению, источники информации не переносят сырости, а к компьютерным сетям мы пока не имеем доступа. Группа аналитиков обработала информацию – и я счастлив предложить вашему вниманию доклад, тема которого близка каждому из нас. Не раз в тиши немногих уцелевших болот...

Тут оратор подпустил в голос слезу, а слушатели негромко заплескали – то ли хвостами, то ли лапами.

– Не раз, я говорю, мы мечтали о дне, когда произойдет демелиорация! Мы верили – настанет время, когда все мировое сообщество признает факт преступной и насильственной мелиорации, лишившей нас...

И тут же задолдонил другой голос, скрипучий, так что понять что-либо стало невозможно.

– Синхронный перевод на государственный язык, – сказал студент. – В общем, бабушка, маразм крепчал! Это съезд всяких разных водяных, русалок, болотных чертей и еще каких-то уродов, и они собрались бороться... бороться... Что за бред! Опять Антарктида!..

– Молиться надо, – убежденно произнесла Вера Федоровна. – Тогда морок рассеется.

– Да нет, это не морок... Это, бабушка, хуже... – студент вздохнул. – Говорили ж ему – не прикармливай, не приваживай... Прикормил на наши головы!

– Кто прикормил-то?

– Завхоз бывший! Вечно то блюдечко молока для домового за шкаф поставит, то рюмочку ему нальет! Ну вот – прикормил!

– Так то – домовый, а то – водяной! – возразила Вера Федоровна, и тут же из бассейна донесся визг – кого-то видать, цапнули острыми зубами.

И сразу наступила тишина.

– Итак, на повестке дня, – прогудел бас. – Доклад о положении в Антарктиде! Вторым пунктом – принятие обращения к водяным Антарктиды!

– Прошу слова! – перебил его кто-то чересчур бойкий. – Там у них, в Антарктиде, поди, не водяные, а ледяные! Может выйти политический скандал!

Студент набрался мужества.

– Вы, бабушка, посидите тут, а я пойду, послушаю. Вы не бойтесь, им не до нас.

– Я с тобой, – сама не зная, страх это в ней говорит или неожиданная смелость, заявила Вера Федоровна.

И они тихонько прокрались вдоль кафельной стенки к самому бассейну.

Теперь, малость освоившись в темноте, они увидели – из воды рядами торчат разнообразные головы, причем их словно кто-то аккуратно по дорожкам разложил: большие косматые, с почти человеческими рожами – отдельно, маленькие рогатые с шерстистыми мордочками и пяточками – отдельно. Косматые выражались на чистом, сочном русском языке, а рогатенькие – как раз на государственном, но все друг друга прекрасно понимали, переводчик старался скорее ради этикета.

Докладчик сидел на тумбе, с которой прыгают в воду. Это был здоровенный дядя темной масти, широкий и в плечах, и в заду. На полу, свесив лапы в бассейн, сидели приближенные – двое рогатых и двое косматых, присматривали за порядком, и когда кто-либо перебивал доклад вопросом, могли строго прикрикнуть.

Доклад же был таков, что Вера Федоровна едва удерживалась, чтобы не вставить умное замечание.

Повадишись читать газетки о потустороннем, которые собирала по соседям, она осваивала их от корки до корки, даже если попадалось что совсем непонятное, все равно честно дочитывала до конца. А тут – чего ж непонятного? Про парниковый эффект и грядущий потоп Вера Федоровна уже знала довольно, чтобы самой написать такой докладец. Только вот цифры, которыми орудовал косматый лектор, были для нее непостижимы. Но что настанет день – и на месте маленькой страны будет большое болото, она не сомневалась, как не сомневалась в существовании домовых, привидений и тайной жизни, которая происходит ночью на кладбище, там, где под землей лежащие в гробах родственники начинают перестукиваться и переговариваться.

Студент же то и дело зажимал себе рот рукой.

Но рано он смеялся. Доклад был простоват, что и говорить, желаемое выдавалось за действительное, и обращение к то ли водяным, то ли ледяным Антарктиды, чтобы ускорили таяние вековых льдов, тоже оказалось не лучше, но можно ли требовать от вопля души соблюдения правил грамматики и эстетики?

Самое же любопытное началось, когда сплыв, перескочив махом в ту прекрасную эпоху, когда воцарится желанное болото, принялся делить и распределять власть. Болотные черти,

коренное население, насакивали на пришлых водяных, водяные отбивались, как умели, и плеск в бассейне стоял такой, что брызги к потолку летели.

Но в том, что настал час демелиорации, все были единодушны.

Глава вторая

Поцелуй мелиоратора

В то время, как бассейн кипел политическими разногласиями, снаружи на бетонных ступеньках сидели двое. В темноте виднелись только лица – и человек, которому бы втемяшилось в первом часу ночи слоняться по территории спорткомплекса, объяснил бы бледность и даже некоторый зеленоватый оттенок этих лиц лунным светом, светом от галогеновой лампы фонаря или еще каким материалистическим способом.

– Да что ж мы, приклеены тут, что ли? Гвоздями приколочены? – с досадой спрашивала совсем еще юная водяничка Уклейка. – Они там до рассвета плескаться будут – так и нам всю ночь сиднем сидеть? А, Коська?

– Велено сторожить – значит, будем сторожить, – отвечал ее товарищ и, судя по безбородой рожице, ровесник. Он был уже достаточно кудлат, как положено взрослому водяному, но чешуйчатое его тело еще не покрылось клочковатыми водорослями, признаком матерости. Если по уму – то следовало бы у кого-либо отщипнуть рассады, но дядька Антип, при котором он жил, полагал, что парню еще рано выбиваться в матерые, да и какой смысл, все одно – деваться ему некуда. Раньше Коську могли признать взрослым и посадить на небольшой речке, во благовременье посватали бы ему и невесту. Теперь же и речки оказались загублены, и невесты куда-то подевались.

От безысходности Коська преждевременно выучился думать долго и тщательно, выстраивая в голове на всякий случай свой особый мир. Миров этих он имел несколько – и, поскольку сведений из окружающего мира получал очень немного, то и возникали в неожиданно лобастой для водяного башке всякие чудные конструкции из подручного материала.

Вот сейчас он полностью проникся идеями доклада, который читал с тумбы для прыжков матерый водяной Панкрат. И в голове определились два мира, причем оба одинаково невозможных, первый – благостный и просветленный мир водяных и болотных чертей до мелиорации, второй же – злобный мир самих мелиораторов, которых Коська и в глаза не видывал. Когда осушались болота, он был еще мал и мать его далеко от себя не отпускала, а как подросток – то и мелиорация сама собой прекратилась.

А что дядька Антип постоянно ликвидировал пакости, которые болотные черти регулярно строили водяным, а соседское семейство чертей неоднократно разживалось от Антипа то пинком, то затрещиной просто так, от щедрости душевной, – это все Коська вроде и знал, но в благостном мире оно было лишним. Значит, его там и вовсе не было...

– Неужто тебе совсем не хочется посмотреть город? – Уклейка заглянула в лицо двоюродному братцу, но он отвернулся.

Вот только двоюродные братья и могут так отворачиваться от красивых сестреночек, не признавая их за прекрасный и коварный пол, а тот, кто не был Уклейке родственником, уж точно загляделся бы на милое личико и густые зеленовато-золотистые косы. Вот только рот у красавицы был великоват, зато зубки мелкие и ослепительной белизны.

– Экий ты скучный... – проворчала Уклейка. – Вот и кукуй тут с тобой... А я ведь ни разу в городе не была...

– Погоди немного. Скоро все переменится, и будем мы в город плавать, как к себе домой, – пообещал Коська. – Вода поднимется, все тут подтопит, город будет наш!

– А ты веришь, что вода поднимется?

– Так я же сам этот доклад видел! И карту видел, которая к докладу прилагается. Иные земли затопит напрочь, а у нас будет одно большое болото! И – все! И кончилась мелиорация!

– Да-а... – согласилась Уклейка. – А правда, что были такие люди – мелиораторы? Это не придумка?

– Они и до сих пор живы, гады. Знаешь, сколько они денег за мелиорацию получали? Они тут лучше всех жили! У них свои дома были, скотина и у каждого по две или даже по три жены, и ели они самую лучшую рыбу с икрой, сволочи... Ничего! – грозно воскликнул Коська. – Поднимется вода – мы вернемся и будем их судить.

– Это тебе батька сказал?

Она имела в виду своего родного отца, матерого водяного Антипа, он же – Коськин дядька. Тот в свое время от шести, чтоб не соврать, супруг собирался наплодить армию водяных, но грянула мелиорация – и, поняв, что с каждым годом жить будет все хуже, он даже стараться не стал, так – от случая к случаю. Но под старость лет затосковал о малышах и, поскольку внуков ему никто не родил, озаботился этим делом сам. Так появилась на свет младшенькая, Уклейка.

– Батя у тебя правильный. Если бы не мелиорация – он бы, может, самим водяным дедушкой волости стал бы.

– Коська, а ты видел живого мелиоратора?

– Ага, даже двух. Пьяные были – до поросячьего визгу, – соврал Коська. На самом деле он встретил на лесной дороге просто двух перебравших мужиков и на всякий случай схоронился в куст.

– А я бы, если бы встретила, – в воду бы утащила. Пусть бы он у меня сколько воды от болот отвел – столько бы и выпил! – пообещала незримому врагу Уклейка.

– Там, в бассейне, один водяной есть, Парфеном зовут, ну вот – он в городе не первый день, на окраине в финской бане живет, при бане – пруд, ну, он там и расположился, – стал рассказывать Коська. – Он говорил, уже и теперь грунтовые воды сильно поднялись. Того гляди, дома рушиться начнут. А когда море придет – представляешь, что будет?!

– Вот наплаваемся! – Уклейка мечтательно вздохнула. – А что, Коська, если нам потом в бассейне погоняться?

– Мало тебе озера?

Озеро было тут же, поблизости, и болотные жители, прибывшие на первый тайный и чрезвычайный сплав, как раз через озеро и двигались к спорткомплексу. Дорогу заранее пометил водяной Ефим, одним из первых поселившийся в городе при бассейне. Он же предупредил, что хлорка на первых порах вызывает чих и слезы. Но оргкомитет пожелал устроить сплав на высшем уровне и со всеми достижениями цивилизации.

– Так озеро у нас и дома есть...

Уклейка встала и прошлась, играя бедрышками. Походка у нее была завлекательная, ничего не скажешь, но только сопровождалась мягким шлепаньем – ступни красавица имела широкие, плоские, ластообразные, и если расправить перепонки, то след получался довольно крупный.

– Ты куда? – забеспокоился Коська.

– Что ты заладил – куда да куда? Хочу на дома посмотреть, на деревья здешние. Ефим говорил, тут еще железная дорога есть. Коська, ты ему веришь? Не может быть дорога из железа, она от дождя заржавеет.

– Проклятые мелиораторы еще и не то придумают, – буркнул Коська. – Представляешь, сколько они здесь болот осушили, чтобы эту дорогу настелить? Тут же, наверно, до самого моря сплошь болота были!

– Да-а...

– Ничего, Уклейка! Все это вернется! Я доклад читал – года через три как раз и вернется.

– Я тоже читать пробовала, только не поняла, а батя объяснять не стал, ему самому доклад на одну только ночку дали. Коська, ты можешь по-простому растолковать, зачем нам эта Антарктида?

Коська приосанился.

– Если совсем по-простому – Антарктида вся ледяная.

– Как же там живут-то? Они что – так никогда не просыпаются?

– Это мы с тобой с осени до весны спим и не просыпаемся, а они, наверно, приспособились, – неуверенно ответил Коська. Крамольная мысль посетила его – если сестренка права, то кому же пишут письмо матерые водяные и болотные черти? Кого просят поспособствовать таянию вековых льдов? Кого умоляют признать незаконность мелиорации?

– Да как же к холоду приспособиться?

– А я откуда знаю?! Ну, наверно, они нашли способ получить тепло. Может, костры жгут? – предположил Коська. – Как-то же они сделали, чтобы льды начали таять!

И у него в голове начал складываться странный белый мир этих самых водяных-ледяных, образовались входы в пещеры, проруби, настилы на льду, чтобы ног не приморозить. И увидел он целую процессию покрытых инеем фигур, движущуюся к костру, такому огромному, что рядом с ним антарктические жители казались муравьями. Они поочередно кидали в костер охапки сухих веток – другого топлива Коська себе не представлял, а насчет наличия веток в Антарктиде даже не усомнился, этого добра всюду хватает.

– Ну вот – льды тают, воды в Океане прибавляется и прибавляется, она начинает заливать берега. Одни берега – высокие, до них не сразу доберется, другие – низкие, их сразу зальет. До сих пор все ясно?

– Ясно.

– Ученые посчитали – там не весь лед растает, а только часть. Всю землю не зальет, а только низинные места. Острова под воду уйдут, иные города. То-то морским чертям будет весело! А про наши места сказали – у нас тут такой рельеф, что будет одно ровное и сырое болото. Представляешь?

– Сколько же льда нужно растопить, чтобы до нас добралась та вода и вернулись болота?

– Много, – убежденно сказал Коська. – Но тамошние водяные о нас, скорее всего, еще не знают. И откуда им знать, сама посуди? Когда морские черти доставят им обращение сплыва, они поймут, что процесс таяния льда нужно всячески ускорить!..

– Рель-еф! Про-цесс! – Уклеяка насладились звуками красивых слов и тихонько рассмеялась. – И сами, поди, приплывут! Вот где женихи-то, а, Коська? И к тебе невесты приплывут...

– Тебе бы только женихи...

– А что? – Уклеяка задумалась. – Без жениха ведь тоже нельзя... Три года, говоришь? Так я ведь и теперь уже на выданье! Через три года другие подрастут!

– Ну, коли невтерпеж – сядь ночью на берегу, караул мелиоратора да и тащи в воду, – посоветовал Коська, которому тоже, если совсем честно, зотелось свадьбы с достойной невестой. – Или приписку к обращению сделай: расплавьте, мол, миленькие, лед поскорее!

– Ну тебя... – обиделась Уклеяка. Как почти все водяницы, она была воспитана прекрасной хозяйкой, умела свою красоту холить и лелеять, за маленькими ходить, но вот читать и писать батя не научил, потому что незачем было, а сама она тоже попросить не додумалась.

Чтобы показать, сколь велика обида, она пошла прочь от бетонных ступенек, все дальше и дальше. Коська молчал и не удерживал. Возможно, ему просто надоели девичьи глупости.

Таким образом Уклеяка в полном молчании дошла до ворот спорткомплекса. Они были заперты, но водяница, привычная вскарабкиваться на прибрежные деревья, ухватилась тут, зацепилась там – и ловко оседлала забор. Прыгать вниз, правда, не стала – а задумалась, глядя на луну.

Жизнь менялась, менялась стремительно, светлое будущее и заморские женихи мерещились Уклейке, чудилась свадьба, от которой по озеру пойдут высокие волны, виделись богатые подарки... Она и с виду-то не слишком отличалась от человеческих девушек, а мечтами – так и подавно.

– Эй! Ты чего там делаешь? – позвали с улицы.

Уклейка глянула вниз и увидела странного человека. Он запрокинул голову, разглядывая водяницу, а лицо у него было темное, почти черное. Уклейка за свою жизнь издали повидала не так уж много людей, но такого ей еще не попадалось.

– А ты чего делаешь? – спросила она.

– Вот, гуляю...

– Ну, и я гуляю.

– По заборам?

– А что, нельзя?

– Можно, – позволил темнолицый. – А чего ты туда забралась?

– Нравится... – туманно ответила Уклейка.

– Может, и мне туда, к тебе, залезть?

– А залезай.

Парень вскарабкался и сел рядом.

– Родриго, – сказал он. – А ты?

– Что – родриго? – не поняла Уклейка.

– Имя такое. А тебя как звать?

– А на что тебе?

Болотные жители с детства заучили одну простую истину: имя кому попало не называй, кто знает твоё имя – может получить над тобой власть. Особенно это соблюдали болотные черти – вон соседка Антип с семейством наловчились кликать Янкой, а кто он на самом деле – змей его знает, отзывается – и ладно.

– Как же я без имени с тобой разговаривать буду?

– Ну... – тут Уклейка крепко задумалась, человеческих девичьих имен она не знала, а болотные не подходили.

Тут надо сказать, что свобода, которой пользовались незамужние водяницы, объяснялась не самым лестным для слабого пола образом. Водяные полагали, что душа изначально дается только мыслящему существу мужского рода, а баба после свадьбы как бы пристегивается к мужней душе. Поэтому водяные носили имена почтенные, схожие с человеческими, девиц же называли как придется. И рассуждали весьма здраво – с не имеющей души девки какой спрос, а за бабу пусть муж отвечает, это уже его печаль.

– Не хочешь знакомиться, что ли?

Этот чернолицый был ненамного ее старше и, видать, пользовался у девушек успехом – очень уж его удивило молчание Уклейки.

– Так мы ведь уже знакомимся! – рассмеялась она, зная, что смех – сильнейшее оружие.

Искусство легкого, серебряного, рассыпчатого смеха водяницы изучали даже тщательнее, чем искусство быстрого и беззвучного плавания. Оно за много веков было отточено до безупречности, и Уклейка, даже не слишком стараясь, своим хохотом могла свести с ума любого водяного, не то что мелиоратора, кроме разве что погруженного в свои миры Коськи.

Парень уставился на нее даже с некоторым испугом.

– Ты чего это, а? Чего смеешься?

– А так! Хочу – смеюсь!

Всякое соображение у парня пропало, мыслей не осталось – а были только смех, белое нежное горлышко и пронзительно свежий запах. Он и облапил девушку, рискуя свалиться с забора, и повернул к себе ее круглое личико, и поцеловал прямо в губы.

Уклейка знала от старших, что сбитый с толку человек именно так и должен себя вести. Она была незамужняя, не засватанная, слова никому не давала, а на проказы с людьми у водяных смотрели сквозь пальцы – тем более, что между пальцами были перепонки, у кого – прозрачные, у кого – не очень. Поэтому водяница вся отдалась своему первому поцелую – и ей это дело понравилось.

До того понравилось, что и глаза ее зеленые закрылись, и обычно острый слух напрочь отказал. Поэтому и не услышала Уклейка шлепанья по асфальту. А это Коська, окончательно составив в своей лобастой голове мир ледяных, со всеми мелочами и подробностями, шел поделиться с сестренкой. И обнаружил ее на заборе спорткомплекса, в обнимку непонятно с кем.

Прежде всего он вспомнил, почему их двоих не пустили в бассейн на спływ, а велели сидеть снаружи на ступеньках. Состоящий при бассейне водяной Ефим боялся, что через черный ход, открытый ним нарочно для участников сплыва, заберется кто-нибудь совершенно ненужный, бездомный и грязный. Поэтому молодежи поручили ходить дозором и пугать всяких приبلудных людишек.

И вот, надо же, сидит Уклейка на заборе и вовсю целуется с человеком. А что за человек, какого рожна по ночам возле спорткомплекса околачивается?

Неужто мелиораторы лазутчика подослали?!

Надо сказать, что ко времени сплыва мелиораторы существовали исключительно в воображении как водяных, так и болотных чертей. Мелиорация прекратилась много лет назад, когда приказали долго жить колхозы, частным землевладельцам осушение земель было не по карману, они и с теми-то, которыми завладели, не знали, чего предпринять, и болота даже стали сами собой возрождаться, а люди, их осушавшие, частью – померли, частью – ушли на пенсию или занялись какими-то другими делами. Но ярая ненависть болотных жителей должна была иметь постоянный объект – поэтому считалось, что мелиораторы лишь затаились и ждут часа, чтобы опять приступить к своему вредоносному занятию.

Поэтому Коська бросился изгонять врага, мало беспокоясь о последствиях.

Он дернул за ногу сестренку, заставляя ее прервать сладкий поцелуй, она брыкнулась и шлепнула ступней прямо по Коськиной физиономии.

– Уклейка! Ты что творишь?! – воскликнул возмущенный Коська. Именно такой окрик был в ходу у старших, призывавших к порядку юное водяное поколение.

– А что? Хочу – и творю! Целоваться – можно! – ответила грамотная Уклейка. Собственно говоря, много чего позволялось незамужней водянице в общении с людьми, особенно мужского пола, и даже если замужняя бывала прихвачена на горячем, ей достаточно было сказать, что собиралась завлечь жертву в воду и защекотать насмерть. Что касается своих прав – их водяницы знали твердо и за себя постоять умели.

– Это же – мелиоратор! – зашипел Коська. – Слезай немедленно! А то дядьку Антипа позову!

Матерый водяной Антип законы знал и пользовался ими часто – возможно, зная за собой медлительность и тугодумие, он предпочитал применять к делу готовое решение, а не самому в каждом случае умишко напрягать. Застав младшую дочку на заборе с человеком, он бы только рукой махнул – имеет право! Но Коська в эту минуту честно забыл о законном праве Уклейки на баловство и помнил только про мелиораторов.

Уклейка от такой злобы даже растерялась. Она оттолкнула Родриго и спрыгнула с забора.

– Ты чего? – парень, еле удержавшись, повернулся к Коське с Уклежкой, желая сказать что-нибудь этакое, но онемел.

В тусклом свете привратного фонаря он наконец-то разглядел Уклейкины ноги.

– Э-э!.. Э-э-э!.. – с таким вот бляньем Родриго выставил перед собой дрожащую правую руку ладонью вперед. Но Уклейке было не до него – упершись руками в бока, словно матерая и толстая водяница, она открыла девичий свой ротик и обдала Коську градом обвинений.

– Ты чего ж это, змеиная твоя душа, за девками подглядываешь? Ты себе невесту заведи – за ней и подглядывай! Ты что же это подкрадываешься и орешь? Хочешь, чтобы я с перепугу свалилась? Ты вот невесту себе заведи, на нее и ори! Да кто за тебя за такого пойдет!

– Так мелиоратор же!

– Так что – уже и не поцелуйся?!

– С мелиоратором?!

– Ребята, вы чего это?! – наконец срывающимся голосом выкрикнул Родриго. – Какой я вам мелиоратор? Сами вы – мелиораторы!

Такого обвинения Коська с Уклейкой не ожидали. Уклейка прикрыла рот ладошкой, но все равно ее фырканье получилось громким, а Коська понял, что его смертельно оскорбили.

– Ну, вот что, – вспомнив, как решали мужские споры на болоте, он приосанился. – Я – Касьян, матерый водяной, от Прокопия и Красноперки, а Прокопий – от Лукьяна! А ты кто такой и от кого род ведешь? Назовись, а тогда силой меряться будем.

– Родриго я, Ивановс!

– Иванов, что ли? От Ивана род ведешь? – переспросил Коська.

– Нет, Ивановс, – делая отчетливое ударение на первом слоге, отвечал чернолицый парень.

– А род от кого? Отца-мать назвать можешь?

– От Мугумбе Квамба и Астриды Ивановой...

– Ой!.. – только и сказала Уклейка.

– Мугумбе Квамба из Камеруна, он тут учился, а потом обратно в Камерун уехал, – добавил Родриго. – А я в него, поэтому черный. А мама здешняя...

– От кого? – безжалостно продолжил допрос Коська.

– От Николая Иванова и Дзинтры Криеване...

– Он не мелиоратор! – убежденно сказала Уклейка. – Видишь – свой род знает, а ты про них сам говорит, что какие-то безродные.

– Они всякие бывают... Вспомнил! У них же еще национальность должна быть!

– Ну вот, а у него – нет! – Уклейка, как умела, вступилась за дружка, однако Родриго Ивановсу такая доброта не понравилась.

– Есть у меня национальность!

– И какая? – не совсем представляя себе смысл слова, строго спросил Коська.

– Я – титульная нация! – гордо сказал чернокожий Родриго и на всякий случай добавил: – По матери!

– По матери? – переспросил Коська. Мир мелиораторов, уже утвердившийся в его голове, обогащался какими-то непонятными приметами и свойствами. Но если Камерун все еще оставался загадкой, то посылов по матери водяной наслушался – этим немало грешили болотные черти, особенно когда лаялись из-за межи с водяными.

– По матери! – подтвердил Родриго.

– И кто же это ее – по матери?

– Кого – ее?

– Титульную нацию!

Собеседники уставились друг на дружку: Родриго – с ужасом, а Коська – с надеждой на вразумительный ответ. В этот миг они уже не помнили, из-за чего сцепились, тем более, что Уклейка молчала.

– Закурить не найдется? – раздался негромкий, в меру прокуренный голосок.

Все трое тут же обернулись и увидели болотного черта Янку.

– Закурить, спрашиваю, нет ли? – он обращался исключительно к Родриго, но ответил ему Коська.

– Там что – уже кончилось?

– Перерыв устроили. Все хлорки нахлебались, сопли текут, чих на мужиков напал, – объяснил Янка. – Так не будет сигаретки, что ли?

Родриго воззрился на него, открывая и закрывая рот, как рыба на песке. И это – при виде Янки, который считался среди своих чертом-недомерком, был ростом с человеческого мальчишку лет четырнадцати, а что бы с ним сделалось, если бы заявился матерый болотный черт Гунча, который, выпрямив ноги, мог стать вровень даже с водяным Антипом? Так подумал Коська, совершенно не учитывая особенностей Янкиной мордочки, к которой он с детства привык. А человека непривычного эта возникающая из мрака личность, покрытая редкой щетинкой, с умными человеческими глазами и почти свиным пяточком, могла и навеки заикой оставить.

– У вас тут что? Хеллоуин? – наконец догадался спросить он.

– Нет, мы всегда такие, – успокоил его Янка. – Вот ты – человек, они – водяные, я – болотный черт, ну и что? Сегодня ты мне сигаретку, завтра я тебе сигаретку...

Парень, тряся головой, как будто надеясь вытряхнуть оттуда морок, достал пачку и зажигалку, болотный черт протянул шерстяную лапку, поблагодарил, прикурил и с наслаждением затянулся.

– Трубку дома забыл, – пожаловался он. – Да и какой на болоте табак? Горе, а не табак.

– Ну а что решили-то? – допытывался Коська.

– Прочихаться решили. Доклад одобрили, из-за обращения лаются, потом дудут декларацию о демелиорации принимать. А тут еще этот ваш Епишка...

– Епифан, – хмуро поправил Коська, уже догадываясь, что выживший из ума дед опять чего-то учудил.

Водяной Епифан был позван на сплав, потому что на своем болотце и в своей волости был единственным, а требовалось собрать представителей всех волостей. Жил он на свете незнамо сколько лет и сделался до нелепости жалостлив. Водяные неоднократно предлагали ему перебраться к родне и жить под присмотром большого семейства, а на освободившееся болотце отправить кого-то из недавно заматеревших молодых, но дед не соглашался.

– Хворую лягушку в банке с собой принес и забыл где-то, – Янка опять затянулся и задержал в себе дым, а потом выпустил через пяточок. – А там бабка ночью за порядком смотрит, прибрала к себе в каморку. Дед расхныкался, Ефим с Антипом пошли лягушку вызволять.

– Ну и как?

– Антип ее на большую вимбу выменял. Вы же с собой корзину вимбы взяли? Ну вот – одной рыбины уже нет. Хорошо, толковая бабка попалась – на мену согласилась. Другая бы с перепугу и копыта откинула, а эта – нет, еще и торговаться хотела.

Уклейка, видя, что Коське Янкины новости интересней ее проказ, взяла Родриго за руку и тихонько отвела в сторонку.

– Вот так, миленький, водяные мы, – сказала она печально. – Ты теперь, поди, и не захочешь со мной целоваться?

– Ну что – водяные и водяные, у вас тоже две руки, две ноги, одна голова, – грубовато ответил Родриго. – Только предупреждать же надо! Я чуть не обделался со страха...

– Мы не опасные... – Уклейка вздохнула. – Просто мы – такие, а вы, мелиораторы, немного другие. А целуешься ты здорово...

– Это ты здорово целуешься, – возразил чернолицый парень. И они продолжили это приятное занятие, совершенно не беспокоясь, что скажет Коська или подумает Янка.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.